

УДК 81'367

ББК 81.2-2

К. Ватанабэ**ВРЕМЕННАЯ ОСЬ
И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
КАК ИНВАРИАНТНЫЕ
КРИТЕРИИ
В УСТАНОВЛЕНИИ
МОДАЛЬНОСТИ
В ИНФИНИТИВНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ**

Работа посвящена объективированному семантическому анализу модальности в инфинитивных предложениях русского языка.

В коммуникативном микротексте определение модальных значений в инфинитивных предложениях зависит от соотношения лиц — автора/говорящего и субъекта. Эти соотношения определяют 1) реальность или ирреальность в высказывании и 2) соответствующие ирреальные модальные значения. В коммуникативном макротексте фонд знаний читающего и метатекст автора могут влиять на восприятие и определение модальности инфинитивных предложений.

Ключевые слова: модальность, инфинитивные предложения, семантический синтаксис, интенциональность, референция, метатекст, история русского языка.

Ватанабэ Кику — аспирант кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail:

requiem.aeternam.dona.eis@gmail.com

© К. Ватанабэ, 2008 г.

К семантико-синтаксической проблематике инфинитивных предложений в русском языке

Инфинитивным предложениям присущи разные модальные значения. Если мы обратимся к их классификации, то заметим, что каждый исследователь имеет свой взгляд в определении модальных значений. Вслед за Ф.И. Буслаевым и А.А. Потебней, показавшими в данных предложениях наличие таких значений, как необходимость, неизбежность, возможность, повеление [Буслаев, 2006, с. 125; Потебня, 1958, с. 390–391], ученые новых поколений значительно расширили этот ряд. Вообще в русском синтаксисе признано считать, притом без всякого обоснования, что инфинитивные предложения объективно выражают долженствование, необходимость, возможность, неизбежность и желательность [Пешковский, 2001, с. 347–348; Тимофеев, 1950, с. 265–266; Стеценко, 1977, с. 88; Бабайцева, 1968, с. 106; Золотова, 2005, с. 154 и др.]. И действительно, дать общее определение классификации модальных значений невозможно. Решить эту проблему не так просто, что объясняется некоторой закономерностью: чем глубже анализируется модальность, тем шире раздвигаются границы ее классификации.

Мы уже отмечали, что крайне редко встречаются работы, которые дают достаточное основание для определения модальных значений в инфинитивных предложениях.

При исследовании модальности в русском языке XI–XVII вв. С.С. Вау-

лина, опираясь на философское толкование, пробует охарактеризовать различные модальные значения [Ваулина, 1988, с. 3–27]. В результате С.С. Ваулина объективно выделила в рамках предметной модальности значения «действительности», «возможности», «необходимости» и «желательности». А.И. Фомин, основываясь на понятии «потенциальность действия», классифицирует инфинитивные предложения как инвариантные коммуникативные типы предложений. По мнению А.И. Фомина, вообще отношение между субъектом и его действием можно рассматривать как направленность субъекта на осуществление действия. Отсюда утверждение, что модальные значения: «возможность», «долженствование», «желательность» и т. д., проявляют себя в высказывании как вариант потенциальности действия [Фомин, 2003, с. 42–43]. Исходя из данной концепции, А.И. Фомин, выделяя типические содержательные инварианты инфинитивных предложений, разделяет типы коммуникативной направленности на шесть подгрупп: 1) описательная; 2) повествовательная; 3) оценочная; 4) эмоционально-риторическая; 5) предписывающая; 6) символическая.

Избавление от субъективизма

(1) **Быти громоу великому! Итти дождю стрѣлами съ Доноу великаго! Тоу сѧ копиемъ приламати, тоу сѧ саблямъ потроучати о шеломи половецкыа, на рѣцѣ на Кагалѣ, оу Доноу великаго!** (Слово о полку Игореве.)

В (1) примере С.С. Ваулина объясняет модальные значения в инфинитивных предложениях следующим образом: «В текстах светского содержания зафиксированы конструкции, выражающие частное значение объективной необходимости — значение неизбежности осуществления действия, связанной с имеющимися традициями, стечением каких-либо обстоятельств и т. п.» [Ваулина, 1988, с. 66]. По мнению А.И. Фомина: «В инфинитивных предложениях представлена модальность обязательности действия с возможным оттенком предопределенности...» [Фомин, 2003, с. 169]. О.А. Черепанова приписывает этим инфинитивным предложениям модальное значение *необходимости как объективной предопределенности* [Черепанова, 1964, с. 228]. З.К. Тарланов признает в них модально-синтаксическое значение *объективной неизбежности, неотвратимости действия* [Тарланов, 1990, с. 145].

С.С. Ваулина и А.И. Фомин, используя объективный способ классификации модальных значений в инфинитивных предложениях, почему-то расходятся в трактовке данных предложений и друг с другом, и с другими лингвистами. Сколь ни объективен их способ классификации, причина разногласия исследователей кроится в их субъективизме.

Итак, при исследовании модальности в инфинитивных предложениях для решения вышеуказанных задач мы стремимся установить два «объективированных» способа: 1) «объективированный» способ определения модального значения; 2) «объективированный» способ классификации модальных значений в инфинитивных предложениях.

Модальность как комплекс семантических категорий

Первой очередной нашей задачей было установить объективированный способ определения модального значения в инфинитивном предложении.

Относительно модальных значений инфинитивных предложений в русском языке есть серьезные основания, с точки зрения семантического синтаксиса, выделить три слоя [Ватанабэ 2007а, с. 7–15]: 1) модальные значения первого слоя — актуализационные категории; 2) модальные значения второго слоя — квалификативные категории; 3) модальные значения третьего слоя — религиозные категории.

Актуализационные категории

Актуализационные категории служат для определения отношений объективного содержания предложения к моменту речи и к участникам общения. Эти категории проявляются в основном грамматическим способом, а конкретнее — речевым глаголом, представляющим собой маркер прямой речи, или местоимениями, выражающими дателный субъекта инфинитива. Данные категории включают «персонализацию» и «временную локализацию».

Персонализация состоит в выражении причастности/непричастности лиц к описываемым событиям по их роли в акте коммуникации: а) автора/говорящего, б) собеседников и в) всех, кто отсутствует, но имеется в виду в данной коммуникативной ситуации. Нужно подчеркнуть, что критерием при персонализации служит автор/говорящий — первое лицо.

Основываясь на процессе «персонализации», обратим внимание на модальность инфинитивных предложений. Этот процесс помогает конкретизировать по ситуации действующих лиц в инфинитивных предложениях. Из них можем назвать; а) автора текста, б) говорящего (прямая речь), в) субъекта инфинитивного предложения и г) читающего текст. Из этого ряда, кроме говорящего (прямая речь), остальные лица постоянно могут появиться в коммуникативной ситуации в любом типе текста. Читающий непосредственно не относится к процессу «персонализации» автором/говорящим. Однако у него есть право по своему трактовать модальные значения инфинитивных предложений.

На этом основании мы включили его в список действующих лиц. Надо заметить, что когда в прямой речи появляются инфинитивные предложения, говорящий не равняется первому лицу. Тогда автор текста выполняет заказ первого лица.

В настоящей работе при бинарном противопоставлении «реальность/ирреальность» мы используем инвариантный критерий — наличие или отсутствие объективной временной оси в коммуникативной ситуации, так как, кроме настоящей объективной временной оси, у каждого действующего лица есть субъективная временная ось, которая определяется его мышлением. В одном случае, при помощи наклонения глагола или лексических средств, субъективная временная ось автора/говорящего может совпадать с объективной и тогда само высказывание отражает реальный мир. В другом, при наличии тех же синтаксических способов автор/говорящий, имея субъективную временную ось, игнорирует действительное течение времени, и тогда предстает ирреальный мир.

Из этого следует, что инфинитивные предложения могут отражать не только ирреальный мир, но, как и другие предложения, — реальный. В данном случае соединение двух временных осей обусловлено совпадением действующих лиц — субъекта инфинитивных предложений и автора/говорящего.

Все процессы в актуализационных категориях проявляются конкретно и эксплицитно. В каждом процессе коммуникативной ситуации действующие лица (автор текста, говорящий (прямая речь) и субъект инфинитивных предложений) играют важную роль. В частности, при инфинитивных предложениях процесс «временной локализации» можно назвать процессом «определения личности». В инфинитивных предложениях нередко дательный субъекта отсутствует. Этот факт позволяет предположить, что субъект является обобщенным или отвлеченным.

Кваликативные категории

Кваликативные категории позволяют автору/говорящему проявлять свое отношение к событиям и информации о них. Для этих категорий характерны «авторизация» и «интенциональность», а также соответствующее ирреальное модальное значение инфинитивных предложений.

Авторизация предполагает квалификацию излагаемой информации. В этом процессе автор, в передаче информации, квалифицирует ее или как свою/чужую, или авторскую/цитируемую.

Авторизация может быть выражена эксплицитно. В данном случае при изложении как своей, так и чужой информации добавляется авторская характеристика. При этом используются глаголы, соответствующие семантике сложного предложения.

(2) *Я понял / думаю / слышал / почувствовал, что он скоро вернется.*

Авторизация может быть выражена также имплицитно. Тогда информация подается объективированно, в отвлечении от автора.

(3) *Он скоро вернется.*

В данном примере, хотя автора в высказывании не видно, авторизационная характеристика содержания предложения обязательно наличествует. Иначе говоря, если это информация «своя», то диктум: *Он скоро вернется* — может быть авторизован при помощи метатекста: *(Я узнал / услышал, что) Он скоро вернется* [Шмелева, 1994, с. 32–33].

При «чужой» информации, в процессе авторизации, обнаруживаются показатели, снижающие достоверность говорящего (см. пример 4).

(4) *По сообщениям моего знакомого, он скоро вернется.*

При прямой речи вообще авторизация не функционирует.

(5) *Мой знакомый сказал: «Он скоро вернется».*

В (5) примере проблема разграничения своей и чужой информации не возникает. Говорящий прямой речи отделяется от автора текста. В результате того что высказывание не может быть авторизовано, автор не проясняет коммуникативных интенций участников в данной ситуации. Другими словами, в прямой речи, независимо от влияния интенции автора текста и коммуникативной ситуации, высказывание относится только к интенции говорящего прямой речи.

В памятниках древнерусского языка обращают на себя внимание неавторизованные прямые речи в инфинитивных предложениях.

Так автор/говорящий квалифицирует сообщаемое с точки зрения своей интенции, побуждающей субъект инфинитивных предложений стать производителем действия. Степень удельного веса интенциональности автора/говорящего в зависимости от степени отвлеченности лица, выступающего в качестве субъекта в инфинитивных предложениях, градационно изменяется от минимальной до максимальной.

Религиозные категории

Религиозные категории ограничивают модальное значение первого и второго слоя. Модальность инфинитивных предложений обязательно предполагает первый и второй слой. Третий слой, однако, функционирует факультативно, точнее, — религиозные категории действуют только в тексте, где так или иначе проявляется Божья воля. При этом условии инфинитивные предложения выражают всегда субъективную предопределенность автора/говорящего.

На первое место в них выступает лексическое значение религиозного характера (например, слово «Бог»). В мире нет никого, кто бы своей интенциональностью мог указать и предписать Богу те или иные действия. В то же время нет никого, кто бы мог сопротивляться Божией

воле. Только Бог может по своей интенциональности побудить себя стать производителем действия, поскольку его воля простирается над всем человеческим родом [Ватанабэ, 2007b, с. 211–214].

Соотношение между интенциональностью автора/говорящего и отвлеченностью субъекта в инфинитивных предложениях

Вслед за установлением объективированного способа определения модального значения в инфинитивных предложениях предложим объективированный способ и классификации модальных значений в них.

Как уже говорилось, на наш взгляд, ирреальные модальные значения в инфинитивных предложениях изменяются по мере обращения интенциональности автора/говорящего к субъекту.

Степень интенциональности автора/говорящего в тексте градиционно изменяется в зависимости от степени отвлеченности лица, выступающего в качестве субъекта от минимальной до максимальной, как-то: «сам автор/говорящий или коллектив, включающий его (первое лицо)» > «конкретное лицо (второе и третье лицо)» > «обобщенное лицо» > «неодушевленное лицо», и прямо пропорционально этой градации повышается отвлеченность субъекта. Если субъект представляет собой первое лицо, то интенциональность автора/говорящего к субъекту действия направлена на себя и выражена открыто и максимально. При субъекте конкретного второго или третьего лица, в отличие от первого, автор/говорящий должен учитывать ситуацию субъекта. В результате, хотя интенциональность автора/говорящего четко отражена, но его влияние на субъект инфинитивных предложений в сравнении с первым лицом ослабляется. Если обобщенное лицо выступает в качестве субъекта, то интенциональность автора/говорящего не имеет конкретного объекта, и снижается до нейтральной степени, т.е. появляется модальность «возможность». При субъекте неодушевленного существительного, интенциональность автора/говорящего также не находит конкретного исполнителя и, следовательно, исчезает. Вместо того обнаруживается субъективная предопределенность автора/говорящего.

Итак, если мы попробуем выразить степень интенциональности автора/говорящего в цифровой таблице, то, беря за точку отсчета модальность «возможность», которая нейтрализует (± 0) интенциональность автора/говорящего, можем установить следующую закономерность: «долженствование (+2)» > «необходимость (+1)» > «возможность (± 0)» > «предопределенность (-1)». Очевидно, что степень интенциональности автора/говорящего обратно пропорциональна отвлеченности лица субъекта инфинитивных предложений.

К этому ряду прибавляется и модальность «желательность», которая всегда выступает с частицей *бы*.

Таким образом, в настоящей работе рассматриваются инвариантные модальные значения инфинитивных предложений («долженствование», «необходимость», «возможность», «предопределенность» и «желательность») на основе объективированного соотношения между интенциональностью автора/говорящего и отвлеченностью субъекта.

Анализ текста

(6) *«Это тещь! — проговорил пан Данило. — Зачем и куда ему идти в эту пору?» (Н.В. Гоголь)*

Во-первых, здесь выступают актуализационные категории первого слоя. В процессе «персонализации» в данной коммуникативной ситуации выступают автор текста как первое лицо, говорящий прямой речи «Данило» и субъект инфинитивного предложения «тещь». Вслед за этим проанализируем процесс «временной локализации». Каждое лицо поступает в соответствии со своей субъективной временной осью, и объективной временной оси нет. Следовательно, речь идет только об ирреальном мире, т. е. выражается ирреальное модальное значение.

Во-вторых, в квалификативных категориях второго слоя проявляется «авторизация». Говорящий прямой речи отделяется от автора текста (в данном примере Гоголь), и высказывание не может быть авторизовано. Автор не проясняет коммуникативных интенций участников, поэтому модальность данного инфинитивного предложения определяется только соотношением между говорящим прямой речи и субъектом инфинитивного предложения. Интенциональность говорящего направляется на конкретное лицо. В конце концов в данном предложении обнаруживается модальное значение необходимости. Кстати, в данной коммуникативной ситуации религиозные категории не действуют.

(7) *Сказали бы мне по совести, что уйдете, что план такой, я бы тоже снялся и ушел. А теперь что? Теперь мне здесь **жить** да перед немцами **лазаря неть**? (К.М. Симонов)*

В данном случае при помощи процесса персонализации мы можем считать участниками коммуникации автора текста и субъекта. Временная локализация, когда субъективные временные оси автора и субъекта соединяются в высказывании, позволяет признать, что здесь существует объективное, действительное течение времени, и выражается реальное модальное значение — будущее время.

В квалификативных категориях мы отмечаем, что текст авторизован, поскольку интенциональность автора, побуждающая субъект инфинитивных предложений стать производителем действия, функционирует.

Субъект представляет собой первое лицо, и интенциональность автора к себе же и ясно выражена, поэтому его интенциональность выражена максимально. В результате, кроме значения будущего времени, образованного в актуализационных категориях, данное инфинитивное предложение может имплицитно выразить долженствование.

(8) ...философъ же реч(ε) «въистиноу в того вѣроуемъ тѣхъ бо пр(о) р(о)ци прорѣцахоу. тако Б(о)гоу родитиса. а друзиди распатоу быти и погребеноу. а в третии д(ε)нь вскр(ε)си(оу)ти. и на н(ε)в(ε)са взити...» (Повесть временных лет.)

В процессе персонализации как действующие лица в этой коммуникации выступают автор текста, философы — в качестве говорящего прямой речи и Бог — как субъект. В результате временной локализации временная ось говорящего и субъекта действия не совпадает. Поэтому в данном высказывании речь идет только об ирреальном мире, и выражается ирреальная модальность.

Исходя из квалификативных категорий, видим, что при наличии прямой речи текст не авторизован, т. е. автор исключается из коммуникации. Следовательно, данное инфинитивное предложение должно отразить только интенциональность говорящего прямой речи.

Однако нельзя не заметить, что философы говорят о Божием чуде. Очевидно, что здесь функционируют религиозные категории. Под влиянием третьего слоя инфинитивное предложение выражает только субъективную предопределенность говорящего.

(9) [и] по Ловоти внити в-Ылмерь взеро великое. из негоже взера потечеть Волховъ и вѣтечь в озеро великое Ново. [и] того взера внидеть оустье в море Варажское и по томуоу морю ити до Рима, а Рима прити по томуоуже морю ко Ц(а)рюгороу, а ꙗ Ц(а)рюгорода прити в Понотъ моря в неже втечет Днѣпръ рѣка. (Повесть временных лет.)

Исходя из нашей формулировки модальности инфинитивных предложений, в актуализационных категориях определяем, что в данной коммуникативной ситуации в качестве актантов выступают автор текста и пропущенные субъекты, представляющие собой обобщенное лицо. Каждый руководствуется своей субъективной временной осью, почему и не может возникнуть объективная временная ось и, как следствие, появляется какое-либо из ирреальных модальных значений.

В квалификативных категориях текст авторизован, поскольку интенциональность автора текста оказывает влияние на действие субъекта. Если в качестве субъекта выступает обобщенное лицо, то направленная интенциональность автора не находит конкретного

объекта, снижается до нейтральной степени и возникает модальность «возможность». В переводах на современный русский язык (Д.С. Лихачев) или польский язык (Ф. Селицкий) эти инфинитивные предложения выражают названную модальность [Дмитриев, Лихачев, 1978, с. 27; Sielicki, 1999, с. 7].

Вопреки нашему мнению, при обсуждении на семинаре О.А. Черепанова видит здесь иное модальное значение, а именно: «бытийность» или «действительность». Чем объяснить такую разницу? На наш взгляд, причина — в отвлеченности субъекта.

Когда субъект инфинитивных предложений выражается местоимением 3-го лица или представляет эллипсис данного местоимения, то требуется определить отношение актуализованного, включенного в речь местоимения к объектам действительности. Такое отношение называется референцией.

Референция, по мнению Л. Линского, осуществляется теми, кто пользуется языком, а не теми выражениями, к которым прибегают говорящие для указания на предмет речи. Если акт референции осуществляется говорящим, то он неотделим от его коммуникативной интенции [Линский, 1982, с. 163]. Вслед за Л. Линским, Дж. Серл утверждает, что акт референции представляет отношение между интенцией говорящего и узнаванием этой интенции адресатом [Серл, 1982, с. 200].

Включившись в сферу коммуникации, центром которой является первое лицо, референция также была интерпретирована и как одно из проявлений интенциональности.

Если мы обратим внимание на отношение между формой и значением дательного субъекта инфинитивных предложений, то коммуникативная функция референтного выражения состоит прежде всего в указании на субъект действия, о котором делается сообщение. Выполняющее эту функцию значение, а также привлекаемые с этой целью знания принято называть идентифицирующими.

В (9) примере идентифицирующая референция доминирует в тех случаях, когда автор текста хочет сообщить что-либо об отвлеченном субъекте (обобщенном лице), который не только не знаком адресату, но не имеет с его микромиром никаких точек соприкосновения. И поэтому обобщенное лицо субъекта инфинитивных предложений должно быть не идентифицировано, а введено в фонд знаний читающего [Арутюнова, 1982, с. 23].

Следовательно, различие в определении модального значения в данном примере с обобщенным лицом между нами и О.А. Черепановой диктуется фондом знаний читающего. Так как большинство филологов придерживается нашего взгляда, видя в (9) примере также модальность «возможность», можно утверждать, что это извлеченное нами значение принадлежит широкому кругу с одним фондом знаний.

(10) **Быти громоу великому!** **Итти** дождю стрѣлами съ Доноу великаго! Тоу **са** копиемъ приламати, тоу **са** саблямъ **потроучати** о шеломи половецкыа, на рѣцѣ на Кагалѣ, оу Доноу великаго! (Слово о полку Игореве.)

В данном примере конкретного субъекта, отражающего интенциональность автора текста и добровольно участвующего в коммуникации, не существует, поэтому интенциональность автора теряет свою силу по отношению к субъекту действия. И авторское выражение приобретает характер субъективной предопределенности. Но так как присутствие авторской модальности все-таки обязательно, то особое значение приобретает скрытый метатекст, включающий авторскую субъективную модальность.

Так, если из (10) примера мы возьмем предложение **Быти громоу великому!**, то метатекст возможно истолковать следующим образом: *я думаю/чувствую, что **быти громоу великому!***

Данное явление функционирует и в литературном русском языке.

(11) *Шуйский: Весть важная! и если до народа она дойдет, то **быть** грозе великой!* (А.С. Пушкин)

Здесь метатекст опирается на субъективную предопределенность в высказывании Шуйского, и может быть прочитан так: *...и если до народа она дойдет, то я думаю / чувствую, что **быть** грозе великой!*

Характерная особенность метатекста состоит в том, что он принципиально невыражаем. Отсутствие его показателей в высказывании — норма, а присутствие — чрезвычайный случай [Шмелева, 1994, с. 27]:

(12) – *Дождь идет.*

– *Что ты говоришь?*

– *Говорю, что дождь идет.*

В предложении «*Говорю, что дождь идет*» не повторяется сообщение. При помощи эффекта появления метатекста говорящий хочет уточнить свое высказывание.

Обратим внимание еще раз на инфинитивные предложения с модальным значением «желательность», которое всегда выражается с частицей *бы*.

(13) *Если бы мелочь, **послать бы** на рынок и **купить** хоть бы сайку.* (Н.В. Гоголь)

На наш взгляд, качество модального значения «желательность» отличается от остальных ирреальных модальных значений тем, что «желательность» автора/говорящего напрямую не обращена к субъекту инфинитивных предложений при помощи своей интенциональности. Следовательно, маркером выделения этой ирреальной модальности из относящихся к интенциональности автора/говорящего, является частица *бы*, которая как бы открывает свой метатекст.

Заключение

Итак, в настоящей работе мы попробовали установить два объективированных способа в выборе модальности инфинитивных предложений в русском языке. Первый — способ определения модального значения основывается на теории комплекса семантических категорий, которые состоят из трех слоев образования модальных значений. Второй — способ классификации модальных значений определяется степенью удельного веса интенциональности автора/говорящего в тексте к субъекту.

В коммуникативном микротексте определение модальных значений в инфинитивных предложениях зависит от соотношения лиц — автора/говорящего и субъекта. Эти соотношения определяют 1) реальность или ирреальность в высказывании и 2) соответствующие ирреальные модальные значения.

В коммуникативном макротексте фонд знаний читающего и метатекст автора могут влиять на восприятие и определение модальности инфинитивных предложений.

Почему мы прибегали к объективированным способам определения и классификации модальности? По нашему мнению, истолковать инфинитивные предложения — значит найти способ устранить ошибочный субъективизм из модальности инфинитивных предложений. Если удалось исключить субъективизм автора текста или читающего, то субъективизм самих лингвистов является большим препятствием в истолковании модальности в инфинитивных предложениях. Этой проблеме особое внимание уделил З.К. Тарланов, отметивший, что «семантический принцип не избавляет от субъективизма. Поскольку исследователи отталкиваются при этом от субъективного понимания смысла инфинитивного предложения в каждом конкретном случае, то классификации, предлагаемые разными авторами, заметно отличаются друг от друга и, будучи слишком общими, не охватывают всего многообразия рассматриваемых конструкций» [Тарланов, 1964, с. 134–135]. С этим авторитетным мнением нельзя не согласиться. Только когда лингвисты осознают, что они сами выступают в качестве «метачитателя» в тексте и устранят свой метатекст наподобие «я считаю, что...», тогда, наконец, мы сможем сделать верный шаг в семантическом анализе.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
2. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.

3. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис: 7-е изд. М., 2006.
4. *Ватанабэ К.* Критерии актуализации модальных значений в инфинитивных предложениях древнерусского языка // Материалы XXXVI междунар. филол. конф. «История русского языка и культурная память народа». СПб., 2007.
5. *Ватанабэ К.* Факторы, ограничивающие модальные значения в инфинитивных предложениях древнерусского языка (XI–XIV вв.) // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: Сб. материалов II междунар. науч. конф. Красноярск, 2007.
6. *Ваулина С.С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л., 1988.
7. *Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С. (общ. ред.).* Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978.
8. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка: 2-е изд. М., 2005.
9. *Линский Л.* Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
10. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении: 8-е изд. М., 2001.
11. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
12. *Серл Дж.Р.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
13. *Стеценко А.Н.* Исторический синтаксис русского языка: 2-е изд. М., 1977.
14. *Тарланов З.К.* Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Т. 16. Гуманитарные науки. Петрозаводск, 1964.
15. *Тарланов З.К.* Об одном способе объективизации повествования в «Слово о полку Игореве» // Тр. отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990.
16. *Тимофеев К.А.* Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
17. *Фомин А.И.* Коммуникативные типы инфинитивных предложений в древнерусском языке XI–XIV веков: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
18. *Черепанова О.А.* Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI–XVII веков: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964.
19. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
20. *F. Sielicki.* Powieść minionych lat. Warszawa, 1999.